

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И. П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

Александр Владимировичу исполнилось 50 лет. Редакция журнала «Нижний Новгород» поздравляет замечательного поэта и прозаика, нашего постоянного автора, с юбилеем и желает ему крепкого здоровья и новых творческих достижений.

...И СПИШУТ АНГЕЛЫ ДОЛГИ

Предисловие Елены КРЮКОВОЙ

Дар поэту, настоящий, доподлинный, Божий – глядеть во Время и видеть там лица (пресветлые бессмертные лики!) предков своих.

Предки, род, сила Рода. Праотцы твои, деды и отцы – они кто для тебя?.. – да почти святые. А верней сказать, для тебя – так просто святые; ты им молишься всеми своими трудами, всей своею честной жизнью, святость их небесную отработываешь непосильной, упорной работой земной; их ликами, фигурами, золотым светом их нимбов расписаны стены твоего внутреннего храма, незримой храмины твоего сердца, твоей души. Твоей памяти.

Так начинается работа Духа. Прошлое – не сгибло. Не кануло. Прошлое расцветает лилей-нимфеей на заросшем, диком озере; оно выходит из-за сосен и елей молчаливыми лесными богами, оно спит в полях под палящим солнцем – так зерно спит в земле до суждённого срока.

Для русского человека прошлое – это война. Война всегда была и есть. Не укроешься от неё никуда.

Александр Орлов – войною меченный. Меченный огненным Временем. Он помнит его генами, хромосомами; наш Русский Мирь, прошедший в сердцеvine двадцатого века наистрашнейшую войну, передал её лютый грохот, крик, гул и беззвучную, через потоки слёз, радость салютов – нам всем – по наследству.

Какова была цена великой Победы? Что чувствовал простой солдат, родню потерявший? Как, чем он побеждал смерть? Тот свет – этому свету – видите, слышите! – протягивает руку. Александр Орлов – да, тоже воевал там и тогда: здесь и сейчас он говорит нам об этом.

Мы воюем, хороним и пишем.

Что поделатъ? Война есть война.

*До неё меня звали все рыжим,
А теперь вот к лицу седина.*

*Может, это плохая примета,
Что тебе я пишу обо всём,
Но я верю, мы будем вдвоём,
Ты меня позови с того света.*

И как быть человеку, радости жаждущему, сугубо мирному, к счастью всем существом протянутому, – с налетевшей неотвратимо смертью-войной? Под какое живое твоё ребро вонзается её проклятый штык?

Но ты – воин. Ратник. Солдат. Слово Александра Орлова много весит. Очень много; очень плотное оно – чугуном, сталь, платина. Слово – как военная клятва, присяга.

Жизнь вокруг шумит, и шумят в ней на ветру слова; а по весне вновь выходит сеятель на поле, бросает зёрна в родную землю. В темь, сумрак, тепло, плотно перемешанное с лютым холодом, родимой вспаханной земли.

Логос – тоже зерно. Слово – прорастает. Прорастает упорно, упрямо. Слово правды прорастёт сквозь все наслоения чудовищной, искусной лжи. Слово из расхожего, заплёванного, привычного-обычного становится золотым символом, золотой кистью на красном знамени – и золотым зерном падает, ложится, скорбно погружается в землю: умирает. Под нами – солдаты. Под нами – генералы. Там, под землёй, под водою рек и озёр. На дне Ладоги, под серебряной наледью Дороги жизни – грузовики с детьми, с роднёй поэта. А ведь все люди на Родине друг другу – родные! Народ – родной. Кровь, выходит так, неразъёмна; она сама, кровь, – глыба: и прошлое, и настоящее, и тем паче – будущее. Кровь – как же рифмуется с кровью! И четыре прадеда поэта встают за его плечами. А кто же там, вдали? В грядущих даях? Важно – помнить. Важно слышать разрывы войны. Смерть за одним плечом. Жизнь – за другим.

А зерно – прорастает. И становится твоей живой памятью.

Ростком поэзии соединяются времена.

Александр Орлов – не просто пахарь, не просто сеятель, неустанный работник на словесной ниве: он и есть тот самый росток, проросший из зерна всенародного страдания прямо под небеса огромной Русской поэзии и Русской победной радости. Сила в его сжатом, упругом стихе; сила и воля, любовь и символика, запах хлеба насущного и тихая молитва у родимого гроба. А голову задери в небеса – что там?

Там – гроза прошла, и радуга воссияла. Там – полночные звёзды: золотые, алые.

*Я пошёл на прогал,
Прямо в звёздный тоннель.
И встречали меня,
Говоря о войне,
Стражи Судного дня
В солнцеликом огне.*

Там Страшный суд, Последний приговор и Жена, облеченная в солнце, и солнечная великая радость, и боль, обращённая в чудо, и Свет неизреченный, ведь «русским отовсюду виден Бог».

Род

*Четыре прадеда моих
Живей живых.
Четыре прадеда моих
В снах дождевых.
Четыре прадеда моих
В лучах дневных.
Четыре прадеда моих
В словах мирских.*

Четыре прадеда моих
В цветах степных.
Четыре прадеда моих
В лесах глухих.
Четыре прадеда моих
В делах земных.
Четыре прадеда моих
В крестах резных.
Четыре прадеда моих
В мирах иных.
Четыре прадеда моих
Среди былых.
Четыре прадеда моих –
Я возле них.
Четыре прадеда моих
Живей живых.

* * *

Я был зачат в любви, а не в пробирке,
И Бог мне подарил двадцатый век,
Я вырос из потёртой богатырки,
И был мне чужд прозападный хай-тек.

Я радовался школьной суматохе
И жил, не зависая в соцсетях,
И вёл со мной ночные диалоги
По облакам спустившийся монах.

Мы говорили обо всём и много,
И не было пределов естества,
Казалось мне, что я в ладони Бога
И не покорен власти большинства.

Я вздрагивал от огневых семантик,
Но главное в словах духовника
Запоминал корчагинский романтик,
И смерть страны была недалеко.

* * *

Мне нравилась с ним каждая беседа,
И увлекал заботливый расспрос,
И верилось, что в быт востоковеда
Я счастье восьмиклассника привнёс.

И был от разговоров я в восторге,
Когда он умер, это был провал,
Казалось мне, он всё на свете знал
И не забыл Есенина и Зорге.

Я помню, в жизни был он незаметен
И появлялся будто бы тайком.

К нему не приставали сотни сплетен,
Что пролетали с первым сквозняком.

Я чувствовал: он прожил одиноко,
Но двор его негласно уважал,
И был примером старый нелегал,
Служивший без признания и срока.

* * *

Объясни мне, товарищ, толково:
Перешли мы сегодня Донец,
Нам немного ещё до Ростова,
Не молчи, я же тоже вдовец.

Будем биться, а там ростовчане
Встретят нас, и начнётся привал:
Поедим, отогреемся в бане,
Полк не зря же в степи замерзал.

Перед нами «Ворота Кавказа»,
Нет пощады для немцев, румын...
С нетерпением жду я приказа.
Прошлой ночью позвал меня сын.

Он, жена уходили за Волгу –
Я смотрел и кричал им вослед –
Нёс в руках новогоднюю ёлку...
Только больше на свете их нет.

* * *

Дочка полкового комиссара
Мне явилась будто наяву,
Как случилось это, не пойму...
Говорили: мы с тобой не пара,
И что ты не веришь никому.

Ты же, как царица ясноока,
Груди, бёдра, русая коса...
Может, это просто чудеса,
Или по решению пророка,
До отправки дали полчаса.

И тебе клубничная помада,
Хоть ругал отец, пошла к лицу,
Мы во сне стояли на плацу:
Сон помог в руинах Сталинграда,
Заново родиться мертвецу.

* * *

Что ты смотришь горестно и колко?
Ты родным под Кашин отпиши:

Медсестра-то наша, комсомолка...
Может, выпьем за помин души?

Помнишь, как смеялась она звонко
И кричала: «Мальчики, привет!»?
От неё осталась лишь воронка
И слетевший на ходу берет.

Первая красавица филфака,
Был в неё влюблён весь батальон.
Буду жив – и на стене рейхстага
Среди тысяч фронтовых имён

Напишу размашисто – «Марина»,
Чтобы видно было за версту.
Вскоре почту повезёт машина,
До неё я сам давай дойду.

* * *

Передо мной года на марше,
И я всё всматриваюсь в них,
И становлюсь от взглядов старше,
От мыслей, мёртвых и живых.

И мне в границах двух столетий
Раскрыта и моя судьба,
И тайны родственных наследий
С крестом небесного раба.

И в неизбежности событий,
Что жизнь меняют вкривь и вкось,
В одном из многих челобитий
Услышит Бог меня авось.

И всё изменится, быть может,
И спишут ангелы долги,
И слово жизнь мне подытожит,
И выпьют за меня враги.

Бабье горе

В ночь я сбился с пути
И зашёл в крайний дом,
Запах мёда, кутьи
Расползается в нём.
И старушка Яга
Накрывает на стол,
Говорит: «Ходока
Господь Бог, знать, привёл.
Что стоишь – иль не рад,
Что попал на помин?

Это древний обряд,
Ты сворачивай блин,
Помяни горькой всех,
Не забудь и своих,
Пей до дна, то не грех.
Ты остался в живых,
И поэтому знай:
За тобой есть должок,
Да ещё выпивай,
Ты не свалишься с ног.
А должок твой таков:
Вплоть до Судного дня
Поминай мертвецов,
В сердце лица храня,
Сток прошлого вкус,
Только это твой крест.
Вижу я: ты не трус.
Если вдруг надоест,
Приходи ещё раз,
Призову вековых,
Чтоб ты слышал их сказ,
И твой взгляд не потух,
Чтоб ты понял, внучок,
Что такое война,
Сердце слёзно прожёт
Бабьим горем сполна,
Чтобы тысячи звёзд
Твой забрали покой,
Чтоб ты встал в полный рост
С неушедшей войной.
Чтоб на ней ты пропал,
Скрылся, сгинул, погиб,
И у всех, кто так ждал,
Голос мигом охрип,
Чтобы годы прошли,
И ко мне на помин
Не пришёл весь в пыли
Не рождённый твой сын».
Я сидел и молчал,
Покидал меня хмель.
Я пошёл на прогал,
Прямо в звёздный тоннель.
И встречали меня,
Говоря о войне,
Стражи Судного дня
В солнцеликом огне.